

Наброски изъ моей жизни¹⁾.

1 мая 1863 года, въ годъ выхода Описанія обороны Севастополя, я получилъ изъ Канцеляріи Генераль Квартирмейстера предписаніе, въ которомъ было сказано, что я, по приказанію военнаго министра, командируюсь въ распоряженіе генераль-лейтенанта Вилькена и долженъ отправиться немедленно въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Назначенный въ распоряженіе совершенно незнакомаго мнѣ человека и для неизвѣстной мнѣ цѣли, я рѣшился спросить у А. И. Веригина.

— Что же я, Ваше Превосходительство, буду дѣлать у генерала Вилькена?

— Ничего вамъ сказать не могу, ибо инициатива всего, что касается Сѣверо-Западнаго края, исходитъ отъ генерала Муравьева. Передъ отъѣздомъ вы должны представиться министру; можетъ быть онъ найдетъ нужнымъ передать вамъ какія-нибудь подробности. Больше я вамъ ничего не могу сказать.

Въ назначенный день наканунѣ моего отъѣзда я отправился къ Д. А. Милютину, съ которымъ въ первый разъ въ жизни долженъ былъ столкнуться лицомъ къ лицу.

Я никакъ не могу забыть этой встрѣчи, ибо я былъ первымъ экспроприаторомъ чужой собственности, хотя по необходимости и временно. Войдя въ переднюю и оправляя мундиръ, я, къ ужасу своему, замѣтилъ, что я забылъ надѣть кушакъ. Явиться къ министру въ первый разъ и въ неряшливомъ видѣ могло положить отпечатокъ на мою служебную фізіономію. Но тутъ у меня блеснула экспроприаторская мысль. Прежде чѣмъ пустить камердинера съ докладомъ обо мнѣ, я обратился къ нему съ просьбою дать мнѣ

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

кушакъ Дмитрія Алексѣевича. Камердинеръ, конечно, согласился, и мы, передвинувъ вслѣдствіе различія талій пряжки, оба были вполне удовлетворены, а кушакъ по окончаніи аудіенціи былъ водворенъ на свое мѣсто.

Военный министръ, дѣйствительно, какъ говорилъ А. И. Веригинъ, разъяснилъ мнѣ, но не многое, и это меня не удовлетворило вовсе.

— Вамъ надо не медлить, а отправляться скорѣе; тамъ Горецкая шайка надѣлала Богъ знаетъ что; генераль Вилькенъ не останется тамъ; можетъ вы его уже не застанете на мѣстѣ; Муравьевъ просилъ меня назначить туда князя Яшвиля, который, вѣроятно, скоро тамъ будетъ. Впрочемъ и князь Яшвиль не долго тамъ пробудетъ. Ему придется получить дивизію. Желаю вамъ счастливаго пути.

Я былъ радъ, что командировка моя кончится, когда князь Яшвиль получитъ дивизію.

Что же это я за несчастный мячикъ, который мое начальство перебрасываетъ изъ однихъ рукъ въ другія, сначала отъ себя къ Вилькену, Вилькенъ къ князю Яшвилю, а послѣдній неизвѣстно къ кому меня заброситъ.

И задумался я болѣе всего на счетъ князя Яшвиля. Въ ранней молодости слышалъ я, что какой-то князь Яшвиль дрался на дуэли съ княземъ Долгорукимъ и, кажется, убилъ его. Потомъ припоминалъ, что въ Лейбъ-Гвардіи Гусарскомъ полку, которымъ онъ командовалъ, его называли Мамаемъ. Ну, думаю, все это не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго. Но все кончено, теперь поздно разсуждать; надо ѣхать, немедля, какъ сказано въ предписаніи, въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

И я поѣхалъ.

Въ лицѣ Вилькена я нашелъ дряхлаго, артиллерійскаго генерала.

— Честь имѣю представиться: подполковникъ Зыковъ, отпрапортовалъ я.

— Очень радъ, отвѣчалъ Вилькенъ, и тутъ же сразу огорошилъ меня вопросомъ:

— А зачѣмъ васъ прислали сюда?

— Я полагаю, чтобы получить отъ васъ какія-либо приказанія.

— Никакихъ приказаній я вамъ дать не могу; можетъ быть вамъ самимъ что-нибудь нужно.

— Я бы желалъ знать только расквартированіе войскъ въ губерніи, но это я могу получить у васъ въ штабѣ.

Черезъ два дня я встрѣтилъ своего однокашника Бориславскаго,

адъютанта Вилькена, и онъ мнѣ передалъ отзывъ обо мнѣ своего принципала.

— Какіе педанты эти офицеры Генеральнаго штаба; только пріѣхалъ, подавай ему росписаніе войскъ, сказалъ онъ Бориславскому.

А между тѣмъ меня интересовало вовсе не простое любопытство, я былъ убѣжденъ, что какъ только пріѣдетъ князь Яшвиля, то прежде всего объ этомъ спроситъ меня; я же рѣшился ожидать князя Яшвиля, никуда не показываться такъ, что даже не зналъ, когда выѣхалъ изъ Могилева Вилькенъ.

Надо замѣтить, что въ тѣ времена въ мѣстечкѣ Горки, въ Могилевской губерніи существовала земледѣльческая Горецкая школа, гдѣ, какъ и во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, преобладали, если не поляки, то во всякомъ случаѣ католики. Въ училищѣ образовалась шайка, которая, не долго думая, рѣшила присоединить Могилевскую губернію къ Царству Польскому, гдѣ въ то время шло возстаніе, съ января 1863 года.

И вотъ въ одинъ прекрасный день въ училищѣ происходитъ слѣдующее:

Является вооруженная шайка всякаго сброда, по преимуществу польскаго, нападаетъ на несчастную инвалидную команду, ранитъ, убиваетъ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ безоружныхъ, захватываетъ денежный сундукъ, и нѣкто Маргулецъ идетъ къ директору училища и заявляетъ ему, что польскія войска подъ начальствомъ воеводы, Топора, вступили въ городъ, а онъ, директоръ, находится въ плѣну.

Въ то же время студентъ Кушелевскій является къ директору фермы, Юрьевичу, и требуетъ у него отъ имени Топора лошадей и фермеровъ для комплектованія своей шайки.

Изъ инвалидной команды было много убитыхъ и раненыхъ; на одного изъ инвалидовъ напало разомъ пятеро студентовъ, однако, онъ продалъ жизнь свою не даромъ, убивъ одного изъ главныхъ—Домороцкаго. Одинъ изъ студентовъ, Козель, занималъ въ шайкѣ Топора званіе начальника коннаго отряда. Въ этой же шайкѣ были помѣщики и даже нѣкоторые мировые посредники.

Когда я пріѣхалъ въ Могилевъ, то вся шайка уже была переловлена, и всѣ дѣйствовавшіе въ ней были арестованы.

До прибытія въ Могилевъ князя Яшвиля, я, конечно, ни во что не вмѣшивался, и когда ко мнѣ совершенно неожиданно явился майоръ Шульгинъ съ просьбою очистить казармы отъ содержащихся въ нихъ политическихъ арестантовъ, то я, несмотря на его основательные доводы, отказалъ, заявивъ, что до прибытія князя Яшвиля ничего сдѣлать не имѣю права.

Живя нѣсколько дней въ городѣ, я имѣлъ возможность увидѣть одно странное явленіе. Постоянно я вижу, что въ городѣ и на противоположномъ берегу горятъ въ домахъ огни даже среди ночи. Но одинъ изъ мѣстныхъ жителей объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло; оказалось, что противъ города расположено мѣщанское поселеніе Луполово. Со времени появленія Горецкой шайки напалъ страхъ на жителей обоихъ береговъ Днѣпра; горожане стали бояться, какъ бы жители русскаго населенія Луполово не вырѣзали городъ, а луполовцы боялись того же самаго отъ могилевскихъ поляковъ, и это продолжалось довольно долго, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока были казнены главные дѣятели шайки.

Слѣдуетъ сказать, что раненые солдаты, отправленные въ городскую больницу, были встрѣчены медицинскимъ и служебнымъ персоналомъ, состоящимъ изъ поляковъ, весьма недружелюбно и даже враждебно. Къ сожалѣнію тогдашній губернаторъ Беклемишевъ не догадался посѣтить больницу и сказать нѣсколько словъ раненымъ и благодарить ихъ за вѣрную службу. Можетъ быть это охладило бы пылъ польскихъ патріотовъ Могилевской губерніи, и они не встрѣтили бы раненыхъ съ ругательствомъ, какъ заявляли тогда же сами раненые. Надо сказать однако, что Беклемишевъ былъ человѣкъ вполне образованный, русскій и при томъ весьма дѣятельный, хотя пропустилъ время, чтобы предупредить нечѣпное возстаніе. Можетъ быть это было причиною, что Муравьевъ, хотя и оставилъ его на мѣстѣ, но, повидимому, недолго любилъ его.

Но то, чего не сдѣлалъ Беклемишевъ, впоследствии сдѣлалъ князь Яшвиль и при томъ въ истинно мамаевской формѣ.

Наконецъ, прибылъ и князь Яшвиль. Я предсталъ предъ человекомъ высокаго роста, съ суровымъ лицомъ, густо обросшимъ волосами, и весьма внушительною фигурою. Принять имъ я былъ просто, и между нами въ первое свиданіе произошелъ весьма короткій разговоръ.

— Очень радъ съ вами познакомиться, ваше имя и отчество.

— Сергѣй Павловичъ.

— Прошу васъ, Сергѣй Павловичъ, поселиться поближе ко мнѣ, такъ какъ я думаю, что намъ неизбежно придется часто нуждаться одному въ другомъ.

— Я какъ разъ устроилъ канцелярію въ томъ же домѣ, гдѣ будете жить и вы, ваше сіятельство.

— Ну и прекрасно. А знаете ли вы, что тутъ было съ ранеными въ больницѣ. Мнѣ Муравьевъ рассказывалъ, какъ доктора называли раненыхъ пся кровь (собачья кровь).

— Да, я это слышалъ.

— Каковы подлецы! Вотъ я имъ покажу, какъ ругать русскаго солдата.

Тѣмъ разговоръ нашъ на этотъ разъ и кончился.

Впечатлѣнiе, которое произвелъ на меня князь Яшвиль, было не въ его пользу; ты, братъ, дѣйствительно Мамай и жить съ тобой чѣмъ меньше придется, тѣмъ лучше, подумалъ я, уходя отъ него.

Но я жестоко ошибался; на немъ вполнѣ оправдалась басня Крылова, начинающаяся словами „наружность иногда обманчива бываетъ“. Этотъ по наружности суровый человекъ былъ добрѣйшей души, готовый на всякое снисхожденiе къ просьбѣ пострадавшихъ и за свое снисхожденiе иногда заслуживавшiй порицанiе со стороны Муравьева. Къ тому же онъ былъ чрезвычайно богомоленъ.

Что же касается моихъ служебныхъ къ нему отношенiй, то я никогда не желалъ бы имѣть лучшаго начальника.

На третiй или на четвертый день по приѣздѣ, князь Яшвиль вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами:

— Ёдемте, Сергѣй Павловичъ.

— Куда прикажете, князь?

— Въ госпиталь, надо навѣстить раненыхъ, давно бы надо было.

Хотя никто не оповѣщалъ объ этой поѣздкѣ, однако по прибытiя нашемъ на мѣсто, насъ встрѣтилъ въ чинномъ порядкѣ весь медицинскiй персоналъ съ статскимъ совѣтникомъ въ генеральскихъ эполетахъ во главѣ.

Сдѣлавъ общiй поклонъ, князь Яшвиль началъ обходить, спрашивая фамилiю каждаго; пройдя всѣхъ, онъ вдругъ отступилъ шага на два и весьма грознымъ голосомъ закричалъ:

— Да что же это такое; вѣдь это не Могилевская губернiя, а царство Польское.

Оказалось, что это были все польскiя фамилiи.

— И зачѣмъ это вы сюда собрались?—продолжалъ Яшвиль, ваше мѣсто не здѣсь, а въ Польшѣ; туда и убирайтесь, а вы еще смѣете ругать русскаго солдата, который служить русскому царю, не какъ вы, а какъ честный человекъ.

Я, стоя въ сторонѣ, изумился этой выходкѣ и, полагая, что такому изступленiю не будетъ конца, отошелъ еще далѣе.

Однако, этимъ дѣло и кончилось; вслѣдъ затѣмъ князь Яшвиль, въ сопровожденiи того же персонала, началъ обходить раненыхъ, благодаря ихъ за службу и въ то же время снабжая ихъ деньгами.

Убѣжденный, что князь Яшвиль находится въ крайнемъ раздраженiи и говорить съ нимъ о чемъ бы то ни было совершенно бесполезно, я молчалъ. Но каково было мое удивленiе, когда, отѣхавъ

саженъ сто, онъ съ добродушною улыбкою обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А каково я ихъ отдѣлалъ, Сергѣй Павловичъ? Какъ вамъ это нравится?

— Все это хорошо, но я думаю, что съ вашей стороны было рискованно.

— Это почему?

— Да развѣ вы не замѣтили, что на правомъ флангѣ докторъ былъ въ генеральскихъ эполетахъ? Что, если бы онъ вздумалъ отвѣчать?

— Молоды вы, Сергѣй Павловичъ, оттого такъ и говорите; вѣдь все это п.....цы. Вѣдь всѣ они остались здѣсь, чтобы сберечь свою шкуру. Вѣдь вотъ въ шайку-то они не пошли потому, что безопаснѣе и выгоднѣе дѣлать подлости здѣсь, да еще за это и деньги получать.

Противъ такого аргумента нельзя было ничего возразить.

Покончивъ одно, пришлось приняться за другое. Уже до пріѣзда князя Яшвиля, майоръ Шульгинъ обращался ко мнѣ съ просьбою освободить гарнизонную казарму, въ которой помѣщались политическіе арестанты. До пріѣзда князя Яшвиля я не считалъ себя въ правѣ дѣлать какія бы то ни было распоряженія, а по пріѣздѣ его доложилъ объ этомъ ему. „Поѣзжайте, посмотрите вездѣ, гдѣ арестованные и сдѣлайте, что можно“, сказалъ мнѣ Яшвиль.

Собравъ свѣдѣнія обо всѣхъ арестованныхъ, я узналъ, что всего ихъ вообще было 449 человекъ, а помѣщались они, гдѣ только можно было: въ гарнизонныхъ казармахъ, въ острогѣ и, наконецъ, даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній.

Для обозрѣнія я обратился только въ казармы гарнизоннаго батальона, гдѣ увидѣлъ рѣдкую картину. Въ помѣщеніи, отведенномъ для арестованныхъ, было 177 человекъ самаго разнообразнаго вида: тутъ были помѣщики въ обыкновенныхъ костюмахъ и халатахъ, другіе въ чамаркахъ, крестьяне въ бѣлыхъ свиткахъ и просто въ однѣхъ рубашкахъ и, наконецъ, къ величайшему моему удивленію, нѣкоторыя лица въ дворянскихъ мундирахъ.

При входѣ въ казарму, я былъ встрѣченъ всеобщимъ гвалтомъ, который выражалъ просьбу и заявлялъ свои желанія; кромѣ того, всѣ они говорили, что ни въ чемъ неповинны, а арестованы крестьянами по злобѣ на помѣщиковъ. Можетъ быть многіе говорили правду, но такъ какъ я не имѣлъ права входить въ подробности, то я объяснилъ, что пришелъ только осмотрѣть ихъ помѣщеніе и ничего болѣе.

Болѣе всего меня удивили тѣ изъ арестованныхъ, которые

были одѣты въ дворянскіе мундиры. Объяснилось это однако просто. Когда русскіе крестьяне слышали, что поляки бунтуютъ противъ царя, то бросились въ помѣщичьи дома и принялись арестовывать господъ и представлять ихъ въ Могилевъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застали. Нѣкоторые же помѣщики, желая импонировать крестьянамъ, облеклись въ дворянскіе мундиры, рассчитывая, что это подѣйствуетъ на крестьянъ успокоительно. Но это имъ нисколько не помогло, и ихъ иногда даже связанными также доставляли въ казарму.

Командиръ гарнизоннаго батальона маіоръ Шульгинъ былъ совершенно молодой человекъ, бывшій гвардейскій офицеръ. Вѣроятно, дослужившись въ гвардіи до штабсъ-капитанскаго чина, онъ перевелся въ армію маіоромъ и по протекціи получилъ гарнизонный батальонъ, что въ то время было очень выгодно. Все у него было хорошо и спокойно, пока въ Западномъ краѣ не появились *польскія* войска, вадумавшія присоединить Могилевскую губернію къ царству Польскому. Но результатомъ всего этого оказалось только увеличеніе въ его владѣніяхъ населенія, съ которымъ онъ не зналъ, что дѣлать. Отдѣленіе помѣщенія для арестованныхъ стѣсняло остальныхъ; продовольствіе на арестантскія деньги возбуждало неудовольствіе помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ, бывшихъ въ числѣ арестантовъ; прекращеніе сношеній арестованныхъ съ внѣшнимъ міромъ было совершенно невозможно, ибо казарма вовсе не представляла собою тюремнаго зданія.

Все это печалило и страшило бѣднаго Шульгина, горячо просившаго меня все видѣнное мною передать князю Яшвилю съ просьбою облегчить его положеніе.

Выслушавъ lamentаціи Шульгина, я понялъ, что тутъ никакой князь Яшвиль не въ состояніи ничего сдѣлать. Поэтому обѣщавъ, что доложу все подробно князю, я совѣтовалъ Шульгину примириться съ своей судьбой и терпѣливо нести свой крестъ, наложенный на него *польскими* войсками, вступившими подъ начальствомъ доудца (воеводы) Топора въ Могилевъ.

Я, разумѣется, все доложилъ Яшвилю, и между нами завязался слѣдующій разговоръ, характеризующій добрый характеръ его.

— Что же вы сдѣлали? спросилъ онъ.

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Но почему? Вѣдь тамъ есть и невинные, которыхъ надо освободить.

— Ничего нельзя сдѣлать, ибо это не мы арестовывали, и у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ производить надъ ними судъ и расправу, это дѣло губернатора и суда.

- Но вѣдь мы на военномъ положеніи.
- Это ничего не значитъ, и вы, князь, конечно въ Вильнѣ представлялись Муравьеву?
- Какъ же.
- И онъ давалъ же вамъ какія-нибудь инструкціи?
- Но эта инструкція коротка. „Не тяните дѣло. Рѣшайте его на мѣстѣ сами; задушите крамолу, въ которой замѣшаны у васъ офицеры, и поменьше всякихъ запросовъ мнѣ“.
- Коротка, это правда, но, мнѣ кажется, довольно ясная. Вѣдь крамолы-то въ Могилевской губерніи уже не существуетъ: вся она заключена въ казармахъ гарнизоннаго батальона, въ острогѣ и даже въ зданіи богоугодныхъ заведеній, слѣдовательно, главная часть инструкціи исполнена, а остальное будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ.

Немного подумавъ, князь Яшвиль спросилъ меня.

- Вы хорошо знаете законы о военномъ положеніи?
- Нѣтъ, во всей точности не знакомъ съ этимъ.
- Ну я тоже. Что же мы будемъ дѣлать?
- Я полагаю бы вамъ въ это дѣло пока не вмѣшиваться, тѣмъ болѣе, что сегодня я получилъ свѣдѣнія, что въ числѣ арестованныхъ есть три офицера, бывшихъ въ шайкѣ. Вотъ когда дѣло дойдетъ до нихъ, тогда вамъ придется ихъ судить.

Князь не много подумалъ и съ видимою радостью воскликнулъ: а я знаю, что дѣлать; я батюшка, Сергѣй Павловичъ, выпишу вамъ человѣчка, который насъ съ вами не продастъ ни за что.

— Кто же это такой?

— Аудиторъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, Чернолуцкій. Пишите пожалуйста сейчасъ же всюду, куда нужно, чтобы немедленно изъ Петербурга выѣхалъ Чернолуцкій.

Черезъ нѣсколько дней Чернолуцкій былъ уже въ Могилевѣ, князь Яшвиль успокоился, и мы съ княземъ принялись за дѣло.

Прежде всего, конечно, нужно было разобрать, насколько возможно, дѣла арестованныхъ, чтобы при посредствѣ губернатора, если не освободить, то облегчить положеніе менѣе заподозрѣнныхъ. Но какъ мы ни старались, ничего сдѣлать не могли. Да наконецъ нужно было подумать и о нижнихъ чинахъ гарнизоннаго батальона; вопли Шульгина имѣли полное основаніе; нижніе чины несли усиленную караульную службу въ трехъ мѣстахъ, не имѣя въ то же время никакой возможности исполнять свой долгъ относительно тюремныхъ правилъ. Арестованные безпрепятственно сносились съ внѣшнимъ міромъ, производили дебоши, дерзко предъявляли разныя требованія, словомъ, не считали себя тѣми арестан-

тами, противъ которыхъ, въ случаѣ надобности, можно употребить силу оружія, они были убѣждены, что правительство не посмѣетъ употребить рѣшительныхъ мѣръ. Конечно, это дѣлали не тѣ несчастные, которые, повѣривъ вожакамъ на слово, пошли за ними какъ бараны и теперь горько оплакивали свою участь. Дебоши устраивали привилегированныя лица, понятія которыхъ о польскомъ возстаніи и о конечныхъ результатахъ его доходили до смѣшного. Многіе изъ этихъ господъ были вполнѣ убѣждены, что вмѣшательство постороннихъ державъ послѣдуетъ не позже іюля, и что онѣ заставятъ русское правительство освободить Польшу.

Вотъ эти-то интеллигенты и мучили несчастныхъ бѣлоруссовъ, съ однимъ изъ которыхъ я однажды и бесѣдовалъ.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты пошелъ въ шайку? спросилъ я.

— Панъ говорилъ, что нужно; что каждый вѣрный католикъ долженъ идти въ шайку, такъ желаетъ и Папа.

— А ты ему такъ и повѣрилъ.

— А какъ же пану не вѣрить.

— Да вѣдь ты русскій.

— Нѣтъ, я не русскій, прервалъ меня мой собесѣдникъ, я католикъ.

Видя, что совершенно бесполезно вести разговоръ о различіи между національностью и религіею, я продолжалъ:

— Что же тебѣ еще говорилъ твой панъ?

— Онъ говорилъ, что французы и англичане идутъ на Россію, а флотъ французскій уже въ Варшавѣ.

Этотъ мой рассказъ очень забавилъ Яшвиля.

— Я бы этого дурака свезъ въ Варшаву, чтобы показать, какой мошенникъ его панъ. Однако, нужно же что-нибудь сдѣлать.

— У насъ есть свое дѣло, какъ я вамъ уже докладывалъ; Муравьевъ же указалъ на сѣнцеровъ. Надо прежде всего просить Муравьева о присылкѣ чиновъ для слѣдствія и суда; безъ этого мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Хорошо. Ну что же мы будемъ дѣлать съ остальными; куда мы ихъ спустимъ?

— Трудно что-нибудь придумать.

— Ну ладно, я подумаю, сказалъ князь Яшвиль.

И дѣйствительно придумалъ. Не прошло недѣли, какъ князь Яшвиль при моемъ докладѣ вдругъ воскликнулъ:

— А я нашелъ!

— Что такое?

— А куда дѣтъ арестантовъ. Вѣдь недаромъ же Императоръ Николай Павловичъ строилъ крѣпости. Въ двухъ шагахъ отъ насъ находится Бобруйскъ; вотъ мы ихъ туда и сплавимъ. Распорядитесь.

Сдѣлавъ сношеніе съ Циммерманомъ, и по докладѣ его Муравьеву мысль князя была приведена въ исполненіе; большая часть арестантовъ была отправлена, и князь Яшвиль былъ освобожденъ отъ обязанности производить слѣдствіе и судъ при полномъ отсутствіи какихъ-либо чиновъ юридическаго вѣдомства, между тѣмъ какъ въ крѣпости все это было налицо.

Когда могилевскіе поляки узнали, что повстанцевъ отправили въ Бобруйскъ, то они нѣсколько приуныли, они увидѣли, что правительство не шутитъ, и что отъ него можно ожидать и крутыхъ мѣръ. Однако, все-таки они не переставали надѣяться на иностранную помощь, которая въ концѣ концовъ явилась въ Варшавѣ въ образѣ какого-то бѣглаго зуава. Но и этотъ зуавъ, приглядѣвшись къ повстанцамъ, убѣждалъ отъ нихъ.

Воодушевленные дикими мечтами, могилевскіе поляки держали себя довольно надменно въ отношеніи русскихъ вообще и все время никакъ не хотѣли повѣрить, чтобы могли казнить кого бы то ни было.

Какъ только поселился князь Яшвиль въ своей квартирѣ, какъ она сдѣлалась какимъ-то сборнымъ мѣстомъ польской шляхты всѣхъ ранговъ и половъ. Ежедневно появлялись и дамы и мужчины съ разными просьбами и жалобами. Изъ мужчинъ чаще всего появлялся предводитель дворянства князь Любомірскій. Онъ всегда осуждалъ возстаніе, говорилъ о своей преданности, жалѣлъ и тѣхъ, которые были увлечены въ возстаніе, словомъ, это былъ человекъ вполне русскій и надежный сынъ отечества. Но часто въ то время какъ князь Любомірскій распинался у князя Яшвиля, выставя свою преданность, я получалъ свѣдѣнія, что наканунѣ въ такомъ-то его имѣніи повстанцы благополучно ужинали, на счетъ князя; разумѣется, князь былъ тутъ ни при чемъ, виноватымъ всегда были или арендаторъ, или управитель княжескаго имѣнія. Никогда никакихъ прямыхъ доказательствъ противъ самого князя нельзя было найти. Муравьевъ тѣмъ не менѣе уволилъ князя Любомірскаго отъ предводительства.

Другой князь Любомірскій, посѣщавшій князя Яшвиля, былъ человекомъ совсѣмъ другого типа; насколько тонкія черты лица, умѣренныя позы и тихій голосъ одного напоминали іезуита, настолько все это въ другомъ обличало свѣтскаго человека, любящаго пользоваться всѣми утѣхами жизни. Онъ былъ вполне правъ, когда говорилъ князю Яшвилю: *Je ne m'occupe que des fleurs et des femmes.*

И дѣйствительно противъ него не было никакихъ уликъ.

Болѣе всего одолѣвали князя Яшвиля дамы самыхъ разнообраз-

ныхъ лѣтъ и состояній; всѣ онѣ обыкновенно приходили ежедневно, съ разными просьбами, иногда совершенно незаконными, а иногда просто съ нелѣпыми. Князь Яшвиль держалъ себя вполнѣ корректно, и если онъ одной изъ нихъ удѣлялъ болѣе продолжительное время для разговора, то на это имѣлись весьма важныя причины.

Несмотря на всѣ возможные розыски, долгое время не могли узнать, кто такой Топоръ. Между тѣмъ было извѣстно, что наканунѣ нападенія на Горки Топоръ ночевалъ въ имѣнннхъ мирового посредника Миткевича, гдѣ за отсутствіемъ мужа его принимала г-жа Миткевичъ. Вотъ эта госпожа чуть не ежедневно являлась къ Яшвилю, каждый разъ на что-нибудь жалуясь: то она говорила, что при обыскѣ у нея пропало серебро, то опечатали послѣднія туфли и ей приходится ходить чуть не босою; наконецъ, что ей просто житья нѣтъ отъ губернаторскихъ чиновниковъ, производящихъ слѣдствіе о ея мужѣ.

Сначала князь Яшвиль, разжалобленный слезами хорошенькой молодой временно соломенной вдовы, все это принималъ за чистую монету и возмущался за беззащитную женщину. Это стараніе князя Яшвиля болѣе всего отзывалось на мнѣ.

— Послушайте, Сергѣй Павловичъ, что тутъ дѣлается. Вѣдь это ни на что не похоже; переговорите съ губернаторомъ.

И вотъ я ѣду къ губернатору и передаю ему жалобу, тотъ призываетъ правителя канцеляріи Гортынскаго; тутъ же производится разслѣдованіе, и вся исторія оказывается совершеннымъ вздоромъ или самое большое преувеличеніемъ во сто разъ того или другого факта.

Надо сказать, что очень многіе подъ предлогомъ жалобы являлись только за тѣмъ, чтобы изъ разговоровъ узнать что-нибудь, а въ особенности на счетъ Топора: всѣхъ интересовало, узнали ли, кто такой Топоръ. Князь Яшвиль неоднократно заводилъ разговоръ съ Миткевичъ и спрашивалъ ее, не знаетъ ли она, кто скрывается подъ этимъ псевдонимомъ, но она, конечно, клялась всѣми святыми, что не имѣетъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

Справки обо всѣхъ жалобахъ, почти всегда неосновательныхъ, мѣшали мнѣ заниматься дѣломъ, и я просилъ князя Яшвиля не отрывать меня отъ моихъ занятій, на что онъ и согласился. Но какъ-то разъ князь входитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Ну, батюшка, извините, а когда сегодня придетъ ко мнѣ мадамъ Миткевичъ, я васъ позову.

— Это по какому же случаю?

— А вотъ увидите, это мой секретъ, только предупреждаю васъ,

не засматривайтесь на нее, а смотрите на меня, пока я съ нею буду разговаривать.

Я, разумѣется, съ нетерпѣніемъ ждалъ время, когда должна была появиться госпожа Миткевичъ. Едва прошло полчаса, какъ князь Яшвиль прислалъ за мною. При входѣ въ комнату я засталъ князя сидящимъ у стола визави съ Миткевичъ, а передъ нимъ развернутый листъ бѣлой бумаги. Она продолжала начатый до меня разговоръ на французскомъ языкѣ.

— Но вы, князь, конечно уже знаете настоящее имя Топора?

— Къ сожалѣнію, есть только подозрѣніе, которое можетъ не оправдаться.

Хотя князь Яшвиль не велѣлъ мнѣ глядѣть на госпожу Миткевичъ, однако, я отъ времени до времени на нее взглядывалъ и видѣлъ на ея лицѣ выраженіе крайняго любопытства. Въ то же время я замѣтилъ, что Яшвиль пальцемъ водить по бумагѣ. Оказалось, что онъ довольно крупно начертилъ сначала букву Ж, потомъ довольно быстро слѣдующія: в и р. Это была послѣдняя буква, вслѣдъ за начертаніемъ которой, на глазахъ Миткевичъ навернулись слезы, она поднесла къ глазамъ платокъ и, ни слова не сказавъ, быстро удалилась изъ комнаты. Она поняла, что псевдонимъ Топоръ, прикрывавшій собою настоящее имя офицера генеральнаго штаба Жвирждовскаго, разоблаченъ окончательно, и воеводѣ Могилевской губерніи грозитъ печальная участь. Теперь уже не было никакого сомнѣнія, что Топоръ и Жвирждовскій синонимы.

Съ тѣхъ поръ, госпожа Миткевичъ не переступала порога въ квартиру князя Яшвиля.

Понятно, что все дѣло Горецкой шайки касалось мужа, а отнюдь не госпожи Миткевичъ, съ которой никакихъ дальнѣйшихъ непріятностей не происходило. Жвирждовскій же вскорѣ былъ пойманъ и казненъ.

Что же касается самого Миткевича, то я не знаю, какая судьба его постигла.

Между тѣмъ Муравьевъ безпрестанно напоминалъ Яшвилю, отчего до сихъ поръ ничего не сдѣлано по дѣлу взятыхъ въ шайкѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ поручика Корсакъ и двухъ прапорщиковъ братьевъ Манцевичахъ и эмигрантъ Анципѣ. Но дѣло это и не могло идти быстро, ибо у насъ не было никакихъ судебныхъ органовъ. Тогда для суда Муравьевъ прислалъ изъ Вильны какого-то моряка Коломотьяно; для слѣдствія у насъ былъ, какъ я уже сказалъ, выписанный изъ Петербурга аудиторъ—Чернолуцкій.

Дѣло шло очень медленно вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ оно очень раздражало Муравьева, тѣмъ болѣе, что

начальники отдѣльныхъ частей, которымъ Муравьевъ далъ право окончательно конфирмовать приговоры, весьма рѣдко пользовались своимъ правомъ, а, вопреки приказу его, окончательные приговоры посылали къ нему. Что касается конфирмаціи Яшвиля, то теперь, по прошествіи 46 лѣтъ, я не могу припомнить, самъ ли князь Яшвиль конфирмировалъ смертный приговоръ или посылалъ Муравьеву. Думаю, что самъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ бы получилъ отъ Муравьева выговоръ, чего, кажется, не было.

Утверждать смертный приговоръ приходилось надъ четырьмя лицами, изъ числа которыхъ было три офицера, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Два изъ нихъ были совершенно юные прапорщики Манцевичи и подпоручикъ Корсакъ и четвертый Анципа, вернувшійся сюда послѣ амнистіи въ 30-хъ годахъ. Вина Манцевичей, и безъ того уже за свое преступленіе подлежащая тягчайшему наказанію, усугублялась еще тѣмъ, что они обманомъ увлекли за собою своихъ денщиковъ. Говорили, что будто сама мать благословляла ихъ передъ отправленіемъ въ шайку. Можетъ быть это и не вѣрно, но весьма правдоподобно, при томъ непонятномъ воодушевленіи, какимъ одержимы были въ то время поляки. Когда имъ говорили, что вина Манцевичей вѣроятно повлечетъ за собою смертную казнь, то они едва не смѣялись, утверждая, что въ виду заступничества за нихъ Франціи и Англій Россія не посмѣетъ это сдѣлать. И только послѣ совершенія приговора, когда они убѣдились, что время шутокъ прошло, впали въ совершенно противоположное состояніе, выражая полную пришибленность.

Когда должна была совершиться смертная казнь, князь Яшвиль обратился ко мнѣ.

— Ну, Сергѣй Павловичъ, я попрошу васъ присутствовать на мѣстѣ.

— Позвольте, князь, вѣдь это вовсе не входитъ въ кругъ моихъ обязанностей.

— Я васъ и не заставляю; я бы могъ приказать это командиру гарнизоннаго батальона, но я желалъ бы, чтобы именно вы были на мѣстѣ, чтобы я могъ точно и подробно узнать, какъ все это произойдетъ, и распорядились бы, если будетъ нужно. Пока вы будете тамъ, я здѣсь прикажу, чтобы люди въ это время не выходили изъ казармъ и были наготовѣ.

— Можно навѣрное сказать, что ничего серьезнаго быть не можетъ; но если это ваше непремѣнное желаніе, то я буду на мѣстѣ.

Какъ ни неприятно было для меня это порученіе, я на слѣдующій день направился на мѣсто, гдѣ уже собралось множество народа, среди которыхъ преобладалъ польскій языкъ. Рѣзко замѣтно

было, что лица, костюмы, оживленные разговоры вовсе не соответствовали той трагедии, которая должна была разыграться на их глазах, через несколько минут. Повидимому, никто не ожидал кровавой развязки. Если не всё, то большинство было убеждено, что все это одна комедия, что в данный момент явится гонец и объявит, что смертная казнь заменена другим наказанием.

Что касается приговоренных к казни трех офицеров, то надо сказать, что они были уже полуживые, с трудом передвигали ноги, Анципа же до самой последней минуты был совершенно спокоен и шел на казнь, ковыряя в зубах соломенкою.

Я, конечно, не имел ни права, ни желания вмешиваться в судебное дело, но должен сказать, что мне всёх был виноват Анципа, который не заслуживал участия Корсака и Манцевичей. Правда, он был взят с оружием в руках, но он главным образом перерывал телеграфные проволоки, усугублялась же вина его только потому, что он был уже однажды амнистирован послѣ 1831 года.

Когда послѣдовали выстрѣлы, и когда собравшіеся увидѣли трупы, то раздался громкій крикъ и плачь.

Всѣ, такъ весело болтавшія за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, дамы теперь съ плачемъ и рыданіемъ бросились бѣжать съ поля.

Когда я по возвращеніи все рассказалъ князю Яшвилю, онъ верхомъ объѣхалъ городъ, а всѣ встрѣчавшіеся снимали шляпы и низко кланялись. Польское настроеніе совершенно исчезло. Что же касается самого воеводы Могилевской губерніи штабсъ-капитана генеральнаго штаба Жвирждовскаго, то онъ впоследствии былъ пойманъ и казненъ, кажется, въ Вильнѣ.

Теперь дело Могилевской губерніи можно бы было считать оконченнымъ, если бы въ сосѣдней Минской не безчинствовала большая шайка подъ начальствомъ помѣщика Свенторжецкаго и какого-то инженернаго офицера, если не ошибаюсь—Ласковскаго. Шайка эта, преслѣдуемая въ Минской губерніи, бросалась въ Могилевскую, производя неистовства въ обѣихъ. Надо было покончить съ этимъ во что бы то ни стало. И вотъ мы списались съ командующимъ войсками Минской губерніи генераломъ Русиновымъ и пошли на облаву. Князь Яшвиль пошелъ въ одну сторону, я съ двумя ротами и казачьею сотнею въ другую, а Русиновъ въ третью.

Мы условились съ княземъ Яшвилемъ, что прежде я выступлю изъ Могилева, а онъ на другой день, при чемъ для большей скрытности около полуночи—оба. Миѣ пришлось выступить въ пятницу. Я уже собрался въ дорогу, какъ въ 11 часовъ ночи за мной присылаетъ князь.

— Дайте мнѣ, Сергѣй Павловичъ, карты Могилевской и Минской губерній.

— Зачѣмъ, князь, онѣ вамъ понадобились? Вѣдь мы съ вами на картахъ ничего не увидимъ кромѣ лѣсовъ, болотъ и весьма часто невѣрныхъ дорогъ. Вѣдь мы съ вами не войну ведемъ, а простую охоту на повстанскія шайки.

— А все-таки присмотрѣться заранѣе лучше.

Дѣлать было нечего; я принесъ карты и сказалъ:

— Напрасно вы только будете утруждать свое зрѣніе; не даромъ говорятъ, что Бобруйскъ среди болотъ искалъ Наполеонъ и никакъ не могъ его найти.

Затѣмъ всѣ дѣйствія князя Яшвиля стали для меня совершенно непонятными. Онъ водилъ какъ-то неопредѣленно по дорогамъ пальцами, останавливался противъ нѣкоторыхъ городовъ, спрашивалъ меня, не служилъ ли въ этихъ краяхъ, и, узнавъ, что я началъ службу въ Минской губерніи, направилъ разговоръ на тему, которая не имѣла никакого отношенія къ дѣлу. Я только недоумѣвалъ, къ чему все это клонится, и что за любознательность одолѣла моего князя. Но чрезъ нѣкоторое время часы начали бить полночь. Едва раздались первые звуки часового боя, какъ Яшвиль вдругъ отодвинулъ отъ себя карты и, протягивая мнѣ руку, произнесъ:

— До свиданія, Сергѣй Павловичъ, желаю вамъ успѣха и счастья; никакихъ картъ мнѣ не было нужно, а надо мнѣ было задержать васъ, вы забыли, что была пятница, а я въ этотъ день не вѣрю, а потому я хотѣлъ задержать васъ до субботы, вотъ теперь и поѣзжайте съ Богомъ.

Вслѣдъ затѣмъ я расстался съ Яшвилемъ на цѣлую недѣлю и началъ съ своими двумя ротами Смоленскаго и Орловскаго полковъ и сотнею казаковъ таскаться по болотамъ и лѣсамъ двухъ губерній. Очистивъ Могилевскую, я перешелъ въ Минскую, гдѣ свирѣпствовалъ съ своею шайкою Свенторжецкій и Ласковскій. Мнѣ пришлось дней пять дѣлать усиленные переходы среди болотъ, безпрестанно нападать на слѣды шайки, которая очевидно при приближеніи войскъ разбѣгалась, а потомъ въ извѣстномъ пунктѣ снова собиралась, отчего много терпѣли войска. Усталыя, весьма часто голодныя и мокрыя во время дождя, они тѣмъ не менѣе съ охотою поднимались съ бивака и бодро шли, едва только получались свѣдѣнія о мѣстѣ нахождения шайки; и это не одинъ я могъ засвидѣтельствовать и въ другихъ отрядахъ было то же самое; войска и крестьяне страшно были вооружены противъ мятежниковъ и готовы были терпѣть всевозможныя лишенія, лишь бы только уничтожить ихъ. Вотъ что писалъ намъ губернаторъ Беклемишевъ:

„Шайка Свенторжецкаго человѣкъ въ 400 направилась по слухамъ въ Борисовскій уѣздъ. Агентъ намъ сообщаетъ, что войска наши страшно утомлены и ропщутъ противъ своихъ начальниковъ, утверждая, что они не хотятъ ихъ вести противъ мятежниковъ. Между прочимъ рассказываютъ, что какой-то ротный командиръ расположился для отдыха, и на вопросъ солдатъ, зачѣмъ онъ не ведетъ ихъ далѣе, отвѣчалъ, что нѣтъ хлѣба. Тогда солдаты довольно дерзко закричали: „Вы ужь только ведите насъ, а мы и голодные пойдемъ“. Крестьяне по показанію агента ожесточены противъ мятежниковъ, но боятся ихъ преслѣдовать, утверждая, что мѣстные полицейскіе чиновники даже наказываютъ ихъ за то и приказываютъ принимать польскія войска хорошо и давать все то, что они потребуютъ“.

Чуть не каждый день мы настигали шайку, которая, лучше насъ зная мѣста, невидимо скрывалась и вновь появлялась въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, мы рѣшились во что бы то ни стало захватить хоть одного человѣка и допытаться о мѣстѣ ея нахождения. Случай намъ помогъ; при преслѣдованіи удалось захватить одного повстанца, котораго и привели ко мнѣ.

— Ну рассказывай, куда пошла твоя шайка, спросилъ я его.

— А я почему знаю, я не въ шайкѣ.

— А какъ же ты очутился здѣсь въ лѣсу?

Предвидя, что дѣло не обойдется безъ суровыхъ мѣръ, я отошелъ въ сторону и поручилъ штабсъ-капитану Егорову, прапорщику Никольскому и сотенному командиру допросить повстанца. Не достигнувъ никакого результата, они подошли ко мнѣ и просили позволенія употребить дѣйствительныя средства.

— Мы уже который день шляемся по болотамъ и чуть не каждый день голодаемъ, а они насъ дурачатъ, такъ и конца не будетъ. Позвольте, полковникъ, познакомить ихъ съ казачьими нагайками.

— Дѣлать нечего, попробуйте, можетъ, что-нибудь и выйдетъ.

Отойдя въ сторону, я услышалъ крикъ повстанца и хлопанье казачьихъ нагаекъ, не успѣлъ я насчитать и десяти ударовъ, какъ оба офицера прибѣжали ко мнѣ съ извѣщеніемъ, что повстанецъ скажетъ все. До нагаекъ онъ держалъ себя довольно смѣло, но послѣ нагаекъ выложилъ все, что ему было извѣстно. Онъ указалъ имена многихъ и начальника шайки, что впрочемъ мнѣ было извѣстно, и помѣщиковъ, какъ бывшихъ въ шайкѣ, такъ и продовольствовавшихъ ее, и всѣ ея похождения.

Заручившись такими свѣдѣніями, медлить было нечего, и, несмотря на усталость, мы тотчасъ же поднялись и отправились въ

путь, при чемъ повстанцу было сказано, что если онъ совреть, то будетъ повѣшенъ, а если вздумаетъ бѣжать, то разстрѣлянь.

13 іюня послѣ почти пятнадцативерстнаго перехода мы нашли шайку Свенторжецкаго за обѣдомъ. Теперь ясно, что все дѣло было кончено. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ обѣихъ сторонъ шайка начала разбѣгаться въ разныя стороны. Мнѣ же оставалось только преслѣдовать ихъ, захватывать и, проходя въ пути разныя деревни, ободрять забитыхъ крестьянъ.

Кстати будетъ сказать, что въ то время сельское духовенство въ Минской губерніи было на самой низкой степени общественнаго положенія. Почти повсюду я встрѣчалъ священниковъ, только что обращенныхъ изъ униатовъ, плохо говорившихъ по-русски и въ страшно унизительномъ положеніи: священникъ дрожалъ передъ каждымъ польскимъ шляхтичемъ и при ласковомъ къ нему отношеніи съ моей стороны пытался цѣловать мою руку. Нисколько не лучше, если не хуже было положеніе и въ такъ называемыхъ древлеправославныхъ приходахъ, гдѣ священники были изъ не-униатовъ. Какъ мало стѣснялись помѣщики-католики съ православными священниками, можетъ служить фактъ повѣшенія Свенторжецкимъ священника въ Богусевичахъ.

За совершеннымъ разгромомъ шайки Свенторжецкаго крестьяне ободрились и начали ловить разбѣжавшихся въ разныя стороны повстанцевъ. По необходимости части отряда пришлось обратиться въ конвой.

Послѣ усиленнаго перехода надо было остановиться на дневку, во время которой я захотѣлъ познакомиться съ своими плѣнниками.

Разгромленная шайка по составу своему была весьма разнообразна; въ ней были одинъ или два помѣщика, между которыми я помню Карказевича, потѣшавшаго меня своею трусостью и наивностью показанія при допросѣ, арендаторы помѣщичьихъ имѣній, поссессоры, крестьяне, католики и помѣщичьи слуги.

Въ отрядъ съ собою я взялъ исправника Рогачевскаго уѣзда Блохина, какъ хорошо знающаго и мѣстность и жителей уѣзда. Ему-то я поручилъ сдѣлать въ моемъ присутствіи допросъ.

Первымъ предсталъ предъ нами мужчина высокаго роста и внушительнаго вида.

— Кто вы такой? спросилъ его я.

— Я помѣщикъ Карказевичъ.

— Вы снарядили и продовольствовали шайку Свенторжецкаго, не отпирайтесь, намъ извѣстно.

— Али трошки (немного). Такой комичный отвѣтъ развеселилъ всѣхъ присутствующихъ при допросѣ.

— Но вѣдь вы не только продовольствовали шайку, вы и дрались; вы хоть и бросили ружье, но взяты съ оружіемъ въ рукахъ, вы, значить, стрѣляли.

При этихъ словахъ къ общему изумленію высокій, здоровый мужчина зрѣлыхъ лѣтъ вдругъ бросился на колѣни, сложилъ крестомъ два пальца и плаксивымъ голосомъ произнесъ:

— Стшѣлялъ, но дали Бугъ (ей Богу) стшѣлялъ съ далека.

Видя и слыша все это, присутствовавшіе, не исключая солдатъ, покатались со смѣху.

Совсѣмъ другимъ типомъ оказался слѣдующій повстанецъ, служившій писцомъ въ какомъ-то уѣздномъ управленіи, по фамиліи Тельшевскій, онъ былъ командированъ Свенторжецкимъ съ командою въ нѣсколько человекъ въ деревню Богушевичи, чтобы казнить православнаго священника.

— Вы повѣсили священника въ Богушевичахъ? спросилъ я.

— Да, я, смѣло отвѣчалъ Тельшевскій.

— Какъ же вы на это рѣшились?

— Я получилъ приказаніе отъ начальника.

— Но получивъ такое незаконное приказаніе, какъ вы рѣшились его исполнить.

— Меня никто не принуждалъ идти въ шайку, а вступивъ въ нее, я долженъ былъ повиноваться. Развѣ, г. полковникъ, не исполнили бы вы приказанія своего начальства?

Тѣмъ разговоръ, конечно, и кончился.

Наконецъ, среди арестованныхъ я увидѣлъ мальчика лѣтъ 15 не болѣе.

— Ты что же дѣлалъ въ шайкѣ? спросилъ я, небось тоже дрался?

— Нѣтъ, я не дрался, я пану служилъ.

— А гдѣ же твой панъ?

— Убѣгъ, какъ жолнеры (солдаты) пришли.

— Убирайся ты къ своему пану, сказалъ я, и велѣлъ отпустить его на всѣ четыре стороны. Едва очутившись на свободѣ, мальчишка бросился бѣжать, а солдаты, видя эту сцену, при всеобщемъ смѣхѣ начали кричать: „держи его, ату, лови, лови!“

Допрашивать остальныхъ я предоставилъ Блохину, а самъ, давъ отдыхъ, отряду сталъ готовиться къ возвращенію въ Могилевъ.

Между тѣмъ князь Яшвиль совершенно напрасно колесилъ по болотамъ, не встрѣтивъ мятежниковъ. По этому поводу онъ мнѣ писалъ:

„Извѣщаю васъ, Сергѣй Павловичъ, что экспедиція Минская кончена, и если мы не видали Свенторжецкаго, то я онъ насъ не видѣлъ также.“

Что же касается Кракузевича, то мы были у него на дворѣ, а онъ у насъ не былъ, вотъ и все.

При этомъ присовокупляю, что былъ у меня Заболоцкій и Русиновъ, выпросили у меня отрядъ Савицкаго и сотню казаковъ и точно послѣ венгерской кампаніи сказали намъ: *merci, adieu*.

Представьте себѣ, что единственный членъ земской полиціи былъ у меня на другой день послѣ переправы чрезъ Березину, а на другой день онъ пропалъ, и о немъ у меня нѣтъ ни слуха.

Я предпринялъ маршъ въ Лою, прихожу туда и вмѣсто проводниковъ нахожу: эконома, садовниковъ и мызника Слатвинскаго, которые сейчасъ дали знать о нашемъ прибытіи; намъ же показали шишъ.

Я золь, какъ я не знаю что; теперь въ мѣстечкѣ Березина жду завтра Митавскихъ гусаръ, съ которыми уѣду на Бѣлыничи въ Могилевъ, чего и вамъ желаю“.

Остаюсь приверженнѣйшимъ вашимъ слугою

В. Яшвиль.

14 іюня.

Вскорѣ князь Яшвиль получилъ кавалерійскую дивизию и долженъ былъ уѣхать въ Ковно. Я радостно поздравилъ князя, поблагодарилъ его за наши взаимныя отношенія, пожелалъ ему счастливаго пути и выразилъ надежду, что и я отправлюсь въ Петербургъ.

— И не думайте, батюшка, я васъ не отпущу, поѣдемъ вмѣстѣ въ Ковно. Я буду объ этомъ просить Муравьева.

Сначала я задумался, но потомъ разсудилъ, что надо соглашаться; что мы уже сжились, другъ друга знаемъ, что наши взаимныя отношенія не походили на отношенія подчиненнаго къ начальнику, а потому гораздо хуже будетъ, если Муравьеву вздумается, вмѣсто Яшвиля, сунуть меня къ незнакомому человеку.

— Ну, хорошо, князь, я поѣду; только вы отпустите меня на нѣсколько дней въ Петербургъ.

— Хорошо, но изъ Ковна. Прошу васъ въ знакъ дружбы принять мою фотографическую карточку.

Вслѣдъ затѣмъ, князь Яшвиль уѣхалъ, а я пока остался нѣкоторое время въ Могилевѣ.

Но не прошло и трехъ дней, какъ уже получилъ изъ Ковна слѣдующую телеграмму: „прошу Циммермана выслать васъ скорѣй сюда съ Чернолуцкимъ. Желаніе отъѣзда исполнится изъ Ковна. Яшвиль“.

По прибытіи въ Вильну, я 8 іюля получилъ разомъ три бумаги: въ одной говорилось, что я по желанію командующаго войсками долженъ временно оставаться при князѣ Яшвилѣ, другая, что я долженъ явиться къ Муравьеву, а третья, что я долженъ принять подъ свое начальство двѣ казачьи сотни и направиться съ ними въ Вилькомиръ на соединеніе съ княземъ Яшвилемъ.

Прежде всего я явился Муравьеву.

— Я вами очень доволенъ, полковникъ, сказалъ Муравьевъ, князь Яшвиль отзывался о васъ одобительно, благодарю васъ, онъ просилъ меня оставить васъ при немъ, а потому, отправляясь въ Ковно, вы возьмете подъ свое начальство двѣ сотни казачьяго полка и оставите ихъ въ Вилькомирѣ. Можете отправляться.

Прибывъ въ Ковно и познакомившись съ тамошними дѣлами, я напомнилъ князю о его обѣщаніи отпустить меня въ Петербургъ.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ, но не засиживайтесь тамъ.

Въ іюль я былъ въ Петербургѣ, а 1 августа получилъ уже телеграмму слѣдующаго содержанія: „Выѣзжайте скорѣй, очень нужно, жду нетерпѣливо; здоровы ли вы, пожалуйста, скорѣй назадъ. Яшвиль“.

Между тѣмъ пребываніе въ Петербургѣ для меня имѣло большую важность. Въ это время шелъ вопросъ о сліянніи инспекторскаго департамента съ департаментомъ генеральнаго штаба. При общей сутолокѣ, всегда происходитъ, что *les absents ont toujours tort*, поэтому мнѣ хотѣлось уяснить свое будущее положеніе, чтобы въ концѣ концовъ не остаться на воздухѣ.

Ввиду опасности остаться въ неопредѣленномъ положеніи и желанія выяснить свое будущее, я письменно обратился къ своему непосредственному начальству, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ:

Милостивый Государь

Сергѣй Павловичъ.

Военный Министръ, получая со всѣхъ сторонъ самые лестные отзывы о Вашей отличной распорядительности и службѣ, въ особенности же отъ свиты Его Величества генераль-маіора князя Яшвиля, который съ большою похвалою отзывался о вашихъ трудахъ и дѣятельности, поручилъ мнѣ объявить вамъ, какъ о вышеизложенномъ, такъ и о томъ, что Его Превосходительство оставляетъ Васъ пока въ Виленскомъ военномъ округѣ только въ томъ вниманіи, чтобы доставить Вамъ болѣе случаевъ быть на виду и сдѣлать служебную карьеру, при настоящихъ военныхъ обстоятель-

ствахъ. Но если Вы желаете возвратиться въ Петербургъ, то объ этомъ увѣдомьте меня съ полною откровенностью.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи

Вашъ покорный слуга

Григорій Мещериновъ.

№ 659

9 іюля 1863 г.

Это письмо, конечно, произвело на меня самое отрадное впечатлѣніе, ибо кромѣ обнадеживанія, что я, при новыхъ условіяхъ, не буду выкинутъ за бортъ, оно говорило мнѣ, что на меня обращено вниманіе просвѣщеннаго военнаго министра.

Но еще опредѣленнѣе было слѣдующее письмо того же Мещеринова.

Милостивый Государь

Сергѣй Павловичъ.

По докладѣ Генераль-Квартирмейстеру Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества письма Вашего, Его Превосходительство отозвался, что при утвержденіи новыхъ штатовъ Департамента Генеральнаго Штаба Вы получите штатную должность и при назначеніи на оную, немедленно вызваны будете въ Петербургъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Григорій Мещериновъ.

№ 7865

22 августа 1863 г.

С.-Петербургъ.

Теперь я совершенно спокойно могъ оставаться при князѣ Яшвилѣ впредь до назначенія начальникомъ штаба 1-ой кавалерійской дивизіи другого лица.

Данныя мнѣ обѣщанія были исполнены въ точности; въ концѣ 1863 года я былъ вызванъ въ Петербургъ и получилъ мѣсто начальника военно-ученаго отдѣленія Главнаго Штаба и Члена Совѣщательнаго Комитета, переименованнаго впоследствии въ военно-ученый.

Въ одинъ изъ вечеровъ князь Яшвиль зашелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я, Сергѣй Павловичъ, сдѣлалъ представленіе васъ къ наградѣ; думаю, что лучшая награда будетъ чинъ, а теперь вы садитесь и пишете.

— Что же писать?

— Письмо Циммерману.

— О чемъ?

— О вашемъ производствѣ.

— Но какъ же, князь, вы хотите, чтобы я самъ расписывалъ о своихъ заслугахъ. Чѣмъ лучше вы напишете обо мнѣ, тѣмъ для меня пріятнѣе, но самому составлять о себѣ хвалебное и просительное письмо, извините, я не могу. Да и вы, князь, сами переименуйте обо мнѣ мнѣніе, если я на это поддамся. Пишите ужъ вы сами, а что напишете, то я велю перебѣлить. Вотъ и все.

Тогда князь Яшвилъ прислалъ къ столу, на которомъ были разбросаны клочки бумагъ, выбралъ два неполныхъ листика и началъ писать своими особенно оригинальными литерами и своеобразнымъ слогомъ письмо слѣдующаго содержания:

Милостивый Государь
Аполлонъ Эрнестовичъ.

Я рѣшился прибѣгнуть къ Вашему Превосходительству съ моею всепокорнѣйшею просьбою.

Когда служишь съ человѣкомъ и видишь его безотвѣтнымъ работникомъ и бываешь свидѣтелемъ трудовъ постоянныхъ и убѣждаешься, что безъ его трудовъ и половины бы того не сдѣлалъ, что сдѣлано, то приходишь въ то положеніе, что не знаешь, что бы для него сдѣлать, лишь бы наградить его тѣмъ, именно, что бы дѣйствительно было бы наградою.

Ваше Превосходительство хорошо знаете, что въ наше время почитается дѣйствительно за награду—и потому я Васъ всепокорнѣйше прошу доложить Его Высокопревосходительству, ежели доволенъ былъ дѣйствіями, въ Могилевѣ бывшими, и результатами, тамъ въ непродолжительное время добытыми, то я всепокорнѣйше прошу наградить за все это одного подполковника Зыкова.

Съ начала мая и до сего дня офицеръ этотъ со мною въ трудахъ постоянныхъ, и я смѣю надѣяться, что въ непродолжительномъ времени мы и здѣсь дойдемъ до положенія, за которое заслужимъ спасибо.

Ваше Превосходительство, прошу Васъ убѣдительно или Зыкову дать чинъ или возвратить мнѣ назадъ мое представленіе, дабы мы снова заслужили то, чего просимъ ¹⁾.

Кончивъ это письмо и передавъ его мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, что еще сказать?

Прочитавъ письмо, я поблагодарилъ и сказалъ, что я самъ никогда не написалъ бы лучше.

— Велите переписать; я его завтра же отправлю.

¹⁾ Оригинальное письмо это находится у меня.

— А вашъ собственноручный черновикъ я оставляю у себя на всякій случай, чтобы не быть гречневой кашей, которая сама себя хвалитъ.

Письмо было отправлено 11 августа, а 19 сентября я получилъ письмо отъ Циммермана слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь
Сергѣй Павловичъ.

Спѣшу увѣдомить Васъ, что вчера командующій войсками подписалъ представленіе Ваше къ золотой пашкѣ, и сегодня оно будетъ отіравлено въ Петербургъ. Теперь хлопочите въ Инспекторскомъ Департаментѣ, чтобы скорѣе вышло Вамъ.

Будьте здоровы, желаю Вамъ отъ души всего лучшаго.

Весь Вашъ А. Циммерманъ.

Въ заключеніе о моей совмѣстной съ княземъ Яшвилемъ дѣятельности я не могу удержаться, чтобы не привести тотъ приказъ по 1-ой кавалерійской дивизіи, которымъ почтилъ меня князь.

П Р И К А З Ъ.

1-ой кавалерійской дивизіи,
гор. Ковна. Сентября 1863 года.

Исправляющему должность начальника моего штаба Генеральнаго штаба подполковнику Зыкову, оставляющему нынѣ здѣшнія войска, свидѣтельствую мою полную душевную и сердечную благодарность. Съ начала мая мѣсяца дѣйствуя по укрощенію мятежа въ Могилевской губерніи, подполковникъ Зыковъ неутомимою дѣятельностью по управленію войсками и обширнымъ краемъ былъ моимъ единственнымъ помощникомъ.

Освѣщаясь его прозорливостью, я могу смѣло сказать, что если успѣхи наши были быстры и прочны, то этимъ я обязанъ усердію и способностямъ подполковника Зыкова.

Отряды, дѣйствовавшіе противъ шаекъ въ Минской губерніи, были ведены имъ съ энергіею, а настойчивое преслѣдованіе разбитыхъ шаекъ привело къ тому результату, что шайки были разсѣяны, а предводители ихъ переловлены и представлены начальству Минской губерніи.

Здѣсь въ Ковно подполковникъ Зыковъ въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ занимался управленіемъ военнаго отдѣла съ тою же дѣятельностью, съ тѣмъ же безграничнымъ усердіемъ. Своимъ

трудолюбіємъ и своимъ прямодушіемъ заслужилъ здѣсь общее уваженіе.

Благодарю его еще разъ какъ начальникъ, прощаюсь съ нимъ какъ съ другомъ, и какъ начальникъ свидѣтельствую ему мою признательность за его службу со мною, какъ товарища и друга моего благодарю его за жизнь со мною.

Командующій дивизіей Свиты Его Величества генераль

князь Яшвиль.

Въ довершеніе всего мнѣ предложено было сдѣлаться могилевскимъ помѣщикомъ, пріобрѣтя на крайне льготныхъ условіяхъ одинъ изъ казенныхъ участковъ. Не имѣя никакихъ познаній въ сельскомъ хозяйствѣ и не будучи въ состояніи отличить рожь отъ ячменя или овса, я съ благодарностью благоразумно отказался; бывшій же у меня въ штабѣ поручикъ Бухманъ воспользовался этимъ правомъ.

С. П. Зыковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

